

Владимир РУДАК

г. Петрозаводск

Все должно быть идеальным

*Все должно
быть
идеальным*

рассказы

Первая буква получилась не совсем обычной, не кривой, а неуклюжей, что ли. Не так он пишет букву «Б». Не так. Столько лет подписывался без помарок, а тут взял и так вот опростоволосился. В школьные времена исписывал листы бумаги, стараясь все довести до автомата. Буриков. Ровненькие, старательные буквы, практически без наклона. Виновата Стремкина Алевтина. И вовсе не потому, что мы всегда стремимся найти того, на кого все можно свалить. Не вовремя она подошла с конторскими бумагами. Не вовремя. Или лучше будет сказать, что неправильно подошла. Чуть не под локоть толкнула. Николай несколько раз порывался выйти из троллейбуса, чтобы вернуться в контору. Можно ведь распечатать новую бумагу, на которой он поставит правильную подпись. И ему спокойнее, и документ будет более привлекательно смотреться. Он два раза провел пером ручки по букве «Б», отчего она стала слишком жирной. Два раза! Да он в жизни так не делал. Почему он сразу не сказал Стремкиной, что надо новую бумагу, почему он не настоял на этом? Мог же. Взял бы да измял испорченный лист, чтобы она не успела его отговорить. Порвать его в клочья надо было, а не церемониться. Нечего с этими бабами рассусоливать. Уж это он хорошенько усвоил, тут ничего не скажешь. Копили они с одной дамой деньги на совместный отдых. Сам же ей и доверил сбережения. Связался с проституткой. Пожалел, когда она плакала, сидя на скамейке, во дворе его дома. Только он щедро намазал свежую французскую булочку финским маслом и уложил поверх голландский сырок со множеством дырочек, как увидел в окно ее. Выглядела она трогательно. Хотелось пригреть ее, успокоить. Спустился вниз. Подошел и спросил, что случилось. В общем, все традиционно.

Конечно, перед этим переоделся. Нельзя же выскочить на улицу в спортивных брюках, купленных на распродаже в торговом центре. Сначала решил, что его мечта сбывается прямо на глазах. Несчетное количество раз Буриков представлял себе, как помогает какой-то девушке или женщине, хорошо сохранившейся, преодолеть жизненные невзгоды. Внешностью он не мог особо похвастаться, но и лошади от него в испуге не шарахались. Немного полноватый. Евнухойдный тип. Это со слов врача, который беседовал с его мамой за складной ширмой в кабинете. Они думали, что он не слышит. Все он слышит. Еще как. На слух никогда не жаловался, жаль только, что этого недостаточно, чтобы нравиться женщинам. Им же безразлично, какие у мужчины уши. Вот если их совсем не будет, это может стать проблемой, а отменный слух ничего не значит в сложном лабиринте межличностных отношений. Чем меньше у мужчины было женщин, тем он наивнее и доверчивее. Все равно что ягненок на гнущихся ножках с глазами-пуговками. Бери голыми руками и пускай на шашлык. Так с ним и расправилась проститутка. Каждую сотню с радостью отдавал ей. А она укладывала ее в коробку от туфель, оклеенную их фотографиями, и радостно вскрикивала, что скоро они полетят на Кубу. Потом вскрикивала, что совсем скоро полетят на Кубу. Потом, что вот-вот полетят. Ну а потом сама улетела вместе с коробкой. Только ободренные фотографии валялись повсюду. Как она могла себе такое позволить? Как? Сам задавался этим вопросом и у знакомых спрашивал под видом рассказа о некоем друге, с которым так вот поступила одна особа. Даже в женский журнал написал письмо, полное гнева, от имени Стремкиной Алевтины, в котором она кропотливо описывала, как одна девица обманула ее интеллигентного брата. Иногда, если уж говорить начистоту, чуть не писался от радости. С романтикой подобных масштабов Буриков не сталкивался ранее никогда. Поездка на Кубу, пусть даже с бывшей проституткой, манила радужными перспективами. Сигары, кубинцы, странный, разноцветный, будто самодельный, а может, и действительно самодельный, транспорт. В

глубине души он чувствовал себя ловцом душ человеческих. В хорошем смысле. Сам старался вести чистый образ жизни, не мараясь в пороках, и другим в этом помогал. Хотя как измерить глубину души? Она же не колодец. Привязал груз к веревке и спускай вниз, пока в дно не упрется. В душу ведь веревку не спустишь. Проститутка – звучит грубо. Женщина, вынужденная торговать собственным телом, так будет лучше. Никто не может кинуть в нее камень, так как сам обязательно в чем-нибудь грешен. С такими словами он ввел ее в свой дом. Ехать-то ей было некуда. Притон закрыли, зарплату, или что там у них, ей никто, естественно, не выдал. На вид она не была прожженной грешницей, скорее наоборот, ландышем, который сорвал грязными ручищами некий злыдень. Буриков налил гостю грибного супа со сметаной. Понятно, что грибы не свежие, но собственного сбора. Замороженные. Едва коснулся ее смуглого плеча, как бы невзначай, когда шурувал половником в кастрюльке, отлавливая более крупные грибы, потом еще раз, когда хлеб подавал, который она не сразу взяла, а чуть погодя. С небольшим стеснением. Как щенок, который доверяет вам, но еще побаивается, отбегая в сторону и тут же возвращаясь. Кто же знал, что этот кутенок разинет свою черную пасть и сожрет доброе сердце Бурикова, даже не поперхнувшись. Еще разок он коснулся ее, когда заботливо вытирал стол и убирал сметану в холодильник. Ставил банку на полку, а сам жмурился от навалившегося доброй тяжестью счастья. В эту же ночь она легла рядом с ним, обвив его евнухойдное тело своими тонкими благодарными руками. Ей было постелено в другой комнате. Пыхтел с пододеяльником и приказывал себе мыслить философски. Он самурай. Меч – символ страстей, которые должны удерживаться в ножнах. Использовать меч можно только в благородных целях. Во спасение бедных и отверженных. Всю мощь страстей направляя в русло благородства... Но только позови она его хоть одним полусловом... только дай намек, что тоньше пузца гусеницы, как он бросился бы к ней, гулко стуча пятками по полу... От ее прикосновений он вздрогнул и чуть не заплакал, ведь женщины чаще прика-

сались к скелету ящера в палеонтологическом музее, чем к нему. Его не трогали очень давно. Он девствен, как пыль Луны. За исключением тех холодных и безучастных прикосновений на профилактическом осмотре в медицинском кабинете припомнить было нечего. Она была отважным археологом, раскопавшим и расчистившим от вековой пыли стойбище, где были сокрыты его пылкие чувства.

Да всем же только лучше будет, если он исправит эту никуда не годную подпись. Понятное дело, что сейчас контора уже закрыта, только сторож там сидит, но ведь можно в порядке исключения вызвать Алевтину, чтобы она приехала. Да он такси оплатит, если потребуется. Даже может вызвать такси, приехать за ней, чтобы вместе до конторы добраться. Буриков подпишется тем самым Буриковым, а не абы как. Все должно быть идеально. Нет, понятно, что все относительно. Понятно, что вы не можете быть в ответе за все беспорядки, происходящие в мире. Но у каждого есть свой малюсенький лоскуток на карте мира, за который только он несет ответственность. Вот тут-то и нужно постараться. Каждый может научиться что-то делать идеально. Пусть даже ставить подпись. А что не так? За всем не уследить. Но фамилию же можно написать ровно, как следует, отчетливо. Как было заведено ранее. Одно дело, если бы он сознательно решил бы изменить ее написание. Вот стукнуло ему сорок лет, и понял он, что пора что-то делать со старой подписью. Может, как-то подправить, чтобы она стала солиднее, если, конечно, до этого она была простенькой, смахивающей на детские каракули. Какие, к примеру, были подписи у известных людей? Чаше это размашистые росчерки, которые всем своим видом говорят, а то и кричат, о величии. Сразу понятно, что это не простой обыватель подписывается, а гений. Зачем обычному человеку красивая подпись? К чему тратить время на то, чтобы ее придумать, разработать, а потом еще тренироваться? За это время простой человек может сделать много полезного. Да не одну табуретку смастерить. Сколько можно уже об этом думать. Буриков понимал, что человек

он некрасивый, обычный. Нет, не обычный, а хуже. Евнухоидный. Одно слово. Всего одно гадостное слово. Будто ребенок камешек бросил в мутную лужу. Раз — и думать забыл. Ярмо на всю жизнь. Стучит в висках, толкается в груди, мутит сознание. Вообще, будь он потчаяннее, то разобрался бы круто с некоторыми товарищами. Ох, разобрался бы. Они бы просили пощады, а он был бы неумолим! Он сам как то ярмо. Хомут бестолковый. Куда повесили, там и висит. Покорно. Хомуту все одно. Он же слова не скажет поперек. Сам не соскочит с гвоздя, не побежит. Красивый автограф у Уолта Диснея, а вот у Стинга простоватый, как будто и не Стинг вовсе подписывался. У Рэя Чарльза — отчетливо и величественно. У Бурикова тоже подпись не самая последняя в этом мире. Он, простите, не табуретки мастерит. Раз к нему приходят с бумагами, пусть под локоть чуть не толкают, но все-таки. Буриков. Буриков. Буриков. Все ровно. Буква к букве.

Душа «хонды»

Витя, громко чавкая, съел бутерброд с обветренным сыром, вытер руки влажной салфеткой и тихонько заплакал. Так плачут взрослые люди, когда у них умирает какое-то близкое домашнее животное. Кот, собака, коза или корова. Слезы не прятал. Одной рукой держался за руль, в другой сжимал пластиковый стаканчик с остывшим чаем.

— Она же родная для меня, как женщина, которая всегда была рядом. Терпела меня, любила и все прощала, — он смотрел сквозь пыльное лобовое стекло, куда-то вперед на потемневшие листы железа, которыми была обшита будка. В маленьком окне суетливо мелькала фигура Анатолия. Он нарезал хлеб, копченую колбасу и сыр. Ему жутко нравилось философствовать между мелкими кражами и бесконечными ремонтами автомобилей. Сесть во дворе на дно перевернутого ведра и поразмышлять о том, что у машины есть душа. Она ведь абсолютно все понимает, только что не разговаривает. Ломается, когда ей что-то не нравится в поведении хозяина. Капризничает. И дело здесь вовсе не в

своевременной профилактике, а именно во взаимоотношениях человека и машины.

Виктор прощался со своей «хондой». Было тоскливо, радость от приобретения новой машины, конечно, присутствовала, но ему и в голову не приходило, что расставание будет таким тяжким. Скоро приедет новый хозяин и увезет ее в другой район Москвы. Навсегда. Толя принес бутерброды, аккуратно уложенные на куске фанеры, покрытой чистой тряпицей, и фарфоровый заварной чайник с синими фигурками китайцев, облаченных в средневековые наряды.

— У нее есть душа. Она живая.

— Еще бы! — охотно согласился Толя, потому как сам был заядлым автомобилистом. Мог собрать из полной развалюхи вполне приличное средство передвижения.

— Зато теперь у тебя серебристый универсал. Японский, — я попытался поддержать Витю, не понимая, с чего это он раздул из обычной продажи своей древней «хонды цивик» церемонию прощания. Осталось только поставить диск с тоскливой классикой и полностью погрузиться в темные глубины холодного отчаяния.

— Хотите, я покажу вам, какой аккумулятор мне удалось утром спереть? И не только аккумулятор, а еще и две нулевые крышки с домкратом, — Толя любил публично красоваться своим мелким воровством. Увлеченно рассказывать, как ему удалось где-то что-то незаметно прихватить.

— У Федорчука закрылась ремонтная мастерская. Я заглянул посмотреть. Благо тут рядом. Захожу в цех, вижу, что у стеночки красуется новехонький аккумулятор. И подает сигналы, мол, заберите меня отсюда, Анатолий, в добрые руки. Я человек приличный, поэтому, прежде чем что-то присвоить, советуюсь с совестью. Но руки у меня уже зачесались, прямо как у тещи. У нее аллергия какая-то жуткая. Дерет руки так, что спать невозможно, хоть связывай ее.

— Ты что, с тещей спишь? — Витя неожиданно отвлекся от тяжких раздумий.

— Мы с женой у нее ночевали, когда полы красили у себя в квартире. Видел бы ты мою тещу, да и вообще, я же не придурок какой-то. Мне только не хватало родственных сексуальных связей. Я что, с дуба рухнул?

За «хондой» приехал мужчина небольшого роста в сером плаще и шляпе с широкими полями. Он протиснулся в щель между створками ворот и быстрым шагом направился в нашу сторону. Витя нехотя вылез из машины. Провел по крыше рукой.

— О, смотрите-ка, шпион пожаловал, — Толя не мог удержаться от комментария.

Когда шпион подошел ближе, Витя натянул улыбку и пожал ему руку. Толя зачем-то сказал, что сегодня, возможно, будет дождь, и предложил покупателю чая, указав на чайник с китайцами. Тот отказался, сославшись на то, что перед выходом из дома выпил несколько бокалов, погладил себя по пузу и добавил, что еще по дороге купил банку охлажденного спрайта. Все это он проговорил, не отводя глаз от чайника. Потом извинился и поинтересовался, не продается ли он. Оказалось, что его страстно интересуется китайская культура.

— Мне хоть и по барабану китайская культура, но чайник мне дорог по другим причинам, — сказал Толя.

— Можно узнать, по каким? — шпион подтолкнул указательным пальцем сползшие очки.

Толя не стал рассказывать ему о том, каких трудов ему стоило то, чтобы незаметно вынести этот самый чайник из китайского ресторана. Уж очень там были бдительные официанты.

— Это очень личная история, которая все еще берedit мое сердце, поэтому я предпочту воздержаться от ностальгических излияний и откровений.

Мужчина передал Виктору деревянную коробку от сигар с деньгами, сел в машину и уехал. Витя снял на свой айфон, как машина исчезла за воротами. Его глаза вновь заблестели.

— Хоть бы посигналил, что ли, — Толя нервно сплюнул.

— Зачем? — спросил я.

— Вообще-то, так принято у нормальных автомобилистов, мол, все нормально, ребята, я поехал, спасибо, желаю вам удачи. Мы же ему не посторонние люди. Еще к чайнику привязался. Коллекционер хренов. Витя, я уж не стал говорить, что ты собрался жениться на китаянке, подумал, что он тебе тогда вообще весь

мозг выест своими вопросами. Не понимаю тебя. Далась тебе эта китаянка, тебе что, своих девок мало? В общем, осуждаю я твой выбор.

— Значит, иметь японскую машину — это хорошо и достойно, а жить с китаянкой — плохо? — Витя просматривал прощальное видео на дисплее айфона.

— Ты уж не сравнивай несовместимые вещи. Машину и человека в один ряд не поставишь.

— Ты же сам соглашался с тем, что у машины есть душа, а теперь, значит, не сравнивай. Какая вообще разница, кто с кем живет, главное, чтобы гармония была. Разве нет?

— Все верно. Я от своих слов не отказываюсь. И гармония нужна, и душа в обязательном порядке есть у машины. Но ты пойми, что у них другая культура. Они же червяков и жуков едят. Вот я белорус, а жена у меня украинка. Мы никогда не едим всякую пакость. Мясо, рыба, картошка и хлеб. Мы же все свои. Бывший Союз.

— Чего же вы тогда лааетесь с женой как дворняги? Торчишь в этом гараже безвылазно, крутишь гайки, вместо того чтобы наслаждаться идиллией совместного проживания участников бывшего Союза. Джиао не ест червяков, чтобы ты знал.

— Ладно, не будем, — Толя безнадежно махнул рукой, взял чайник и пошел к себе в будку. Тонко скрипнула входная дверь, — без обид.

— Увидимся! — крикнул он и скрылся в недрах своего жилого пространства.

Ближе к ночи он мне позвонил и сказал грустным голосом, что само имя Джиао уже какое-то непонятное. То ли дело Люся, Галя, Надежда, а тут какое-то адажио-мажио. Что бы там Витька ни думал себе, скажу точно, что он кардинально не прав. Потому как находится в красивом, но придуманном мирке. Многие он поймет, когда его китайская подружка со своими родственниками переедет к нему, а самого Витю они отправят в Пхеньян возвращать рис. Я поправил Толю, что Пхеньян — это столица Северной Кореи, а в Китае Пекин, но он как будто пропустил мимо ушей мое замечание.

От телевизора я избавился. Поставил его возле мусорного бака, где он не простоял и пя-

ти минут, тут же был прихвачен двумя молодыми парнями, которые резво потащили его в сторону университетской общаги, находящейся на противоположной стороне дороги. В какой-то момент я понял, что необходимость в говорящем ящике полностью отпала, и расстался с ним, не испытывая даже малейшего сомнения. Я вышел на балкон. Москва уже клевала носом. Во дворе тявкала собака. Уличный фонарь отсвечивал в ее глазах зловещим зеленым светом. Из соседнего окна доносился бойкий голос диктора вечерних новостей, который сообщил, что несколько часов назад водитель «хонды цивик» столкнулся с бензовозом на МКАД.

Интро

И все, что бы я ни сказал, — это неправда. И здесь, о чем бы я ни думал, — это не мое. Я распадаюсь на части. В этом бесконечном хаосе тщетны попытки как-то обустроиться. Сделайте перепост. Сделайте перепост. Все хотят, чтобы вы сделали какой-то перепост. Слова. Их можно сметать веником в совок. Любые слова ничего не весят. И весело мне, когда открывается множество дверей. И грустно, когда все они в одночасье захлопываются с торжественным грохотом, полоснув ярким лучом надежды, как самурайским мечом по оголенной душе. Слово «надежда» мало кто любит. Оно затертое. Армия копирайтеров и рерайтеров затаскала самые дорогие нам слова, сделав их инструментом для торговли. Покупателя надо заинтересовать. Вдолбить в самое темя, что ему хана, если не он обретет необходимый товар, о существовании которого две секунды назад не подозревал. Не разевай рот, балбес! Все друг друга хотят заинтересовать, чтобы извлечь хоть какую-то выгоду. На коробках с соком, изготовленном на пригородном заводе, куда натуральная ягода даже случайно не закатывалась, опытные мастера слова описывают сказочный мир, в котором живут совсем другие люди, озабоченные только тем, как бы нам угодить, как бы сделать так, чтобы мы питали свои организмы натуральными вита-

минами. Никто не станет сообщать, что это обычная вода, разболтанная с искусственным концентратом. «Душа» тоже затасканное слово. Все о ней говорят и поют. Пустобрехи. Ваше место в заброшенной угольной шахте. Хотят подобраться поближе. Проникнуть. Пощупать. Управлять ею. Она есть, но ее как будто вовсе нет. Она то в пятках, то в груди, то в голове, то где-то в животе. Поймать бы ее.

А ты как будто все такой же. На коне. Но невидимые тонкие и строгие нити не дают подорваться с места. Как только задаешь себе вопрос: «А тот ли я, что был когда-то?» — тут же меняешься. Как рожа бугая, у которого лопнули штаны на заднице, когда он поднимал с пола колбасу. Этот предательский вопрос. Это вопрос — гад! Который существует отдельно от всех других вопросов, он чужой. Он произведен не в твоём сознании. Нет. Сделано на другой фабрике. «А тот ли я, что был когда-то?» Как щелчок выключателя. Как щелчок по носу. Ты стал другим.

Приятная новость. Я познакомился с женщиной. Да-да-да. Миллиарды людей снуют по планете, а познакомиться с ними трудно. Это даже при том, что сейчас возрос туристический обмен. Раньше люди сидели по своим странам и варились в собственном соку. То есть в каждой стране и отдельно взятом городе женщин стало больше. Хреново жить в городе, который не имеет никакого интереса для туристов. Я познакомился с женщиной, которая попросила меня прочитать ей рассказ какого-то Горохова. Еще она сказала, что любит яркие краски, поэтому у нее сумка и туфли красного цвета. Это придает ей решительности и уверенности. Я задумался. Скажите мне, дураку, каким образом цвет может придать решительности? Если я напялю фиолетовый пиджак, то это как-то может подействовать на мой характер? Я решил поделиться с ней своими мыслями. Подал их аккуратно. Как рыбу фугу. Видимо, что-то не так вышло с рецептом. Мы начали ругаться. Она все не так поняла. Чтобы как-то ее успокоить, я начал читать рассказ Горохова.

Песнь о захвате имени Баренцева автор Горохов

Дисциплина ума. Я ем суп, просто ем суп с черным хлебом с маслом и горчицей. Так не хочется быть предсказуемым. Я ем суп. Чтобы мысли не разлетались по сторонам, необходимо проговаривать свои действия.

Прежде чем продолжить чтение, я хочу заметить, что не понимаю черного хлеба с семечками. Он вообще для людей или для птиц? Зачем вы кладете в хлеб эти зерна? Куда подевались русские краюхи с поджаристой корочкой? Продавливаешь пальцем на бутылке с молоком пробку из фольги, надкусываешь с хрустом кусок, подносишь к губам широкое горло и жадно пьешь. Если вы помните утренний звон бутылок в железных молочных ящиках, то вы счастливый человек. И подгорелые деревянные лотки для хлеба. В торце дома, в котором находился магазин, было прорублено окно, там исчезали лучшие продукты мира.

Степан вышел из дома. Направился в сторону улицы Шотмана. С торца дома был вход в почтовое отделение, над которым висела вывеска, сохранившаяся еще с давних времен. Он остановился. Когда-то на этой вывеске горели выгнутые из матовых стеклянных трубочек буквы. В детстве руки так и чесались их поколотить вдребезги. Они взрывались, издавая какой-то по-змеиному шипящий звук. Но в своем дворе не очень-то разойдешься. Повсюду скрывались пенсионерки-наблюдатели, которые в любой момент были готовы поднять шум. Сбегутся и начнут кричать на весь двор. Особенно одноручная баба Дуня. Говорят, в молодости она попала под пассажирский поезд. Представляете, люди едут в отпуск на юг. Они долго трудились у себя на севере. За окном мелькают нехитрые строения, а под колесами валяется отрубленная рука, окрашивая кровью просмоленные шпалы. Крик тонет в грохоте колес и протяжном гудке паровоза. Тело, отброшенное на насыпь из щебня, извивается от боли. Скорее всего, она потеряла сознание и просто лежала, не издавая ни звука. Людмила Евсеева предположила, что Дуню сил-

ком оттащили к железнодорожным путям и бросили под колеса. Других вариантов быть не может, потому что не могла Дуня вдруг оказаться возле путей. Ну не могла. Но Людмиле возразили, что пассажиры увидели бы, как Дуню тащат к поезду. Сообщили начальнику поезда, а тот бы дернул стоп-кран. Людмила сказала, что никакого пассажирского поезда не было. Ее толкнули под товарный состав. Эта версия придала таинственности. Некоторые стали более внимательно присматриваться к Дуне.

Когда она сильно нервничала и ругалась, ее культя бойко трепыхалась под коротким рукавом легкого летнего цветастого сарафана. Издалека она напоминала Степану огромную бабочку, которая примостилась ей на плечо. Всем казалось, что баба Дуня злая из-за того, что у нее не хватает руки. Конечно, кто будет радоваться такому несчастью? Но ее не называли инвалидом. Для всех она была обычная бабуля без руки. Подметала двор, мыла подъезд и выносила ведра с мусором. Еще она затягивала узел косынки, прихватив один угол зубами, а второй быстро тянула здоровой рукой. А потом им с дочкой дали двухкомнатную квартиру в другом районе. Какое-то время она еще приходила навестить подруг, рассказывая звенящим голосом о том, как они хорошо обустроились на новом месте. Гладила крупного дворового пса Арго, который укладывался к ее ногам. Без ее криков во дворе стало значительно спокойнее.

Я испытываю неприязнь к обычным человеческим радостям. Почему-то кажется, что люди рождены для свершения других дел. Люди все время что-то друг другу говорят. Некоторые вообще не могут молчать. Им кажется, что если они перестанут разговаривать, то жизнь остановится. Если своих мыслей нет, то они занимаются пересказом сериалов, передач, новостей и выступлений политических деятелей. Их разум, как забытый на огне котелок с кашей, бестолково бурлит, погрохатывая приплясывающей крышкой. Ученые во все голоса кричат, что человечество утратило свои сакральные знания. Ранее оно было мудрее. Все растрясло по ухабистой дороге к цивилизованному обществу. Изви-

ните, что отвлекся от чтения рассказа. Немедленно продолжаю.

Степан пересек дорогу. Пошел вслед за троллейбусом, который медленно тащился к конечной остановке. На задней площадке, вцепившись в поручень, стояла девушка. Она казалась милой.

— Извините, вы не видели ничего подозрительного? — Степан оглянулся и посмотрел на человека в Железнодорожной форме с фуражкой полицейского.

— Что вы имеете в виду?

— А что можно иметь в виду, когда спрашиваешь человека, не видел ли он что-нибудь подозрительное? — Железнодорожник сунул руки в карманы кителя, выставив большие пальцы наружу.

— Нет, я не видел ничего подозрительного.

— А кого-то подозрительного?

— И кого-то тоже не видел. А почему у вас такая форма? Как будто железнодорожная, а шапка полицейская.

— Это не шапка, а фуражка. Вы что, в армии не служили?

— А как тогда называется ушанка с кокардой?

— Шапка.

— Значит, все-таки военный головной убор может называться шапкой?

— Это же очевидно, что ушанка является шапкой. Я служу в смешанных войсках, — он оглянулся несколько раз, — пресекаем различные нарушения на железной дороге и прилегающих территориях. А вы куда направляетесь?

— За самсой с картошкой. В кафе, — Степан показал рукой в сторону небольшого деревянного здания, ютившегося возле дороги.

— Бывший мебельный магазин. Мне когда-то мама там купила раскладной диван с клетчатой обивкой. Вы про захват Баренцева слышали?

— Нет. А кто его захватил?

— Он изобрел прием. В борьбе что-нибудь смыслите?

— Немного понимаю.

— Обычно так говорят те, кто вообще в борьбе ни бельмеса не смыслит.

— Мне нравится больше хоккей.

— С другой стороны, вы и не должны его знать. Он секретный. Разработан специально для смешанных войск. Вы собаки здесь не видели?

- Собаки?
- Да. Я же говорю, что собаки.
- Видел, там во дворе. Маленькая.
- Нет. Мне нужна большая.

Степан решил, что разговор окончен, прибавил шагу.

— Не спешите вы так. Это хорошая идея — самса. Они ее делают в тандыре. Я им предложил слоган «картошка в мундире, а тесто в тандыре». Но они сказали, что не делают картошку в мундире. Тоже мне, блюдо великой сложности. Постойте. Я вам покажу захват Баренцева в обмен на самсу. Хотите?

— Не уверен.

— Вы больны? Неважно выглядите. Желтушный будто.

— Нет, я себя превосходно чувствую.

— Тогда борьба? — железнодорожник приободрился.

— Здесь? Троллейбусы же ходят.

— Вы думаете, если на вас захотят напасть, то сначала предложат пройтись на полянку? На счет три я вам покажу захват Баренцева. Раз-два-три, — железнодорожник кинулся на Степана. Не успев ничего сообразить, оказался на земле, сильно ударившись затылком об асфальт. Фуражка отлетела в сторону.

— Ты меня не помнишь? — морщась от боли, пробормотал железнодорожник.

— Нет, — Степан ослабил хватку.

— Виктор Сельянов. Я жил в первом подъезде. А ты в четвертом. Где баба жила с культей, похожей на огромную бабочку... Степан, купи мне, пожалуйста, самсу...

— У вас все в порядке?

Степан оглянулся. Это была девушка из троллейбуса. Склонив голову чуть набок, она улыбалась. Ему захотелось сказать ей, что он готов прожить с ней всю оставшуюся жизнь. Не разлучаясь ни на минуту.

— Вот она. Вот она! — железнодорожник вскочил и побежал за большой лохматой собакой.

А еще, если выбросить из головы все эти гороховские бредни, то мне приходит на память то, как мы ходили с бабушкой собирать щавель возле старого кладбища. За каменной оградой среди дремучей чащи стояла деревянная церковь, окруженная покосившимися крестами. Она потом сгорела. Все, что у нас остается к старости, так это тонкая нить пульса, на которую нанизаны крохотные разноцветные бусинки воспоминаний.

□

Владимир Иванович РУДАК

родился в 1968 году.

Прозаик, музыкант, кинорежиссер.

Публиковался в журналах «Север», «Новая юность»,

«Южная звезда», «Лампа и дымоход», «Carelia».

Автор книги «Вечный сахар» (2009).

Рассказы и повести переведены
на финский и немецкий языки.

Лауреат национальной премии имени Елены Мухиной

в номинации «И слово отзовется...».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

